

Лазарев. Ф.В.

СУДЬБЫ ДИАЛЕКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Диалектика как философская доктрина и концептуальная традиция, конечно, исторична. Эта историчность имеет, по-видимому, двойкий смысл: во-первых, в разные эпохи мы встречаем весьма различные формы диалектических учений (Платон, Кузанский, Лейбниц, Гегель и др.), во-вторых, отнюдь не во всех культурных контекстах диалектическая традиция находила для себя благоприятную почву. Ведь чтобы прижиться и буйно расцвести, нужен подходящий интеллектуальный климат. Бесспорно, что 20 век не благоприятствовал диалектике. Напротив, в 20 веке на диалектику смотрели косо. рассуждали так: интеллектуальное орудие 19 столетия (Гегель, Маркс) не может успешно применяться для осмысления глубинных проблем и тенденций конца 20 века. В таком рассуждении есть безусловная доля истины. Но есть и доля заблуждения. Дело в том, что в нашей философской литературе несколько десятилетий господствовала та форма диалектики, которая была воссоздана Гегелем в начале прошлого века и которая по своему категориальному содержанию была воспринята Марксом и Энгельсом. Эта форма, или тип диалектики органически вписывался в стиль мышления своей эпохи, хотя он никогда не был общепризнанным и уже в те времена находил себе непримиримых оппонентов. Особенно уязвимой для критики была так называемая “диалектическая логика”. Основная идея Гегеля – понятие противоположности, взаимопереход противоположностей, понятие противоречия. В марксизме был сделан акцент на понятии “борьбы” противоположностей. Диалектическая картина приобрела яркие краски, от нее повеяло энергией, напором. Мир есть постоянная, неутихаемая ни на один день борьба противостоящих начал и тенденций - старого и нового, левого и правого, темного и светлого, живого и отжившего, прогрессивного и реакционного и т.д.

Однако сегодня, испытывая чувство неудовлетворенности или интеллектуального дискомфорта в отношении данной концепции, не следует смешивать ее с диалектикой вообще. Исторически существовали и другие типы диалектики. Кроме того, логично предположить, что в новых исторических условиях могут появиться и новые версии. Ниже мы частично обсудим один из вариантов современной диалектики. Я имею в виду интервальную теорию.

Резонно, конечно, задать вопрос: а почему некая новая философская доктрина должна непременно подводиться под понятие диалектики? По каким признакам и основаниям мы нечто можем отнести именно к диалектической традиции философской мысли? А может быть, диалектика вообще отмерла навсегда? Исчерпала себя как схема?

В задачу данной работы не входит обсуждение всех этих вопросов. Но несколько беглых замечаний сделать все же необходимо. Обратимся к первоисточкам данной интеллектуальной традиции. В “Кратиле” Платон говорит о диалектиках как о людях, которые умеют ставить вопросы и давать ответы. Диалектика есть, конечно, искусство спора, но такого, который имеет определенную направленность и предполагает некоторый познавательный результат. Речь, таким образом, идет о методе. Диалектическое знание связано со способностью “различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый” (“Софист”). В “Государстве” внимание Платона сосредотачивается на характеристике диалектического мышления, которое близко к тому, что можно было бы назвать методологической рефлексией. Существуют, как бы два типа мыслительной деятельности ученого, например, геометра. Первый начинается с того, что ученый полагает уже известными основные исходные положения теории и не считает нужным отдавать в них отчет ни себе, ни другим, словно это всякому и без этого ясно. Приняв свои допущения за нечто изначальное и не восходя к их началу, они разбирают уже все остальное и последовательно доводят до конца то, что было предметом их рассмотрения. Второй путь движения к умопостигаемому связан с тем, что ум, пользуясь диалектической способностью, свои предположения не выдают за нечто изначальное, а устремляется к началу всего. “Достигнув его и придерживаясь всего, с чем он связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении...” Цель диалектического метода – восхождение к первоначалу с целью его обоснования. Лишь такое рассуждение можно назвать подлинным, которое ведет к постижению основания сущности каждой вещи. Логическое основание мысли как бы смыкается с основанием онтологическим. Диалектический путь мысли - это движение к объективному. Наконец, диалектика противоположна кратиловскому релятивизму, хаосу текучести и неопределенности.

В рассуждениях Платона можно усмотреть четыре уровня, или оттенка мысли:

1. Диалектическое мышление – это, собственно, и есть теоретическое мышление, постижение объекта в понятиях, не прибегая к чувственным образам, наглядным подпоркам мысли. Много столетий спустя эту идею развивает Гегель, критикуя эмпиризм и рассудочное мышление, а затем также и Энгельс, выступая против ползучего эмпиризма современного ему естествознания. Насколько оправданы были эти упреки по отношению к таким теоретическим формам научного знания, как физика? Пожалуй вплоть до Максвелла принцип наглядности в физике был как бы неявным постулатом методологического сознания науки. И лишь после Эйнштейна физика полностью сбрасывает с себя “эмпиристский” стиль мышления.
2. Диалектическую способность мыслить можно видеть в методологической рефлексии - движении научного познания к своим собственным основаниям, к первичным понятиям и принципам. В геомет-

рии это движение началось лишь в 19 веке с Гаусса, Лобачевского и Больяи. Завершилось же оно к самому концу столетия, когда вышла знаменитая книга Гильберта “Основания геометрии”. В физике такую работу первым, по-видимому, начал Э.Мах, затем А.Пуанкаре, А.Эйнштейн и др., в логике и математике – Брауэр, Б.Рассел.

3. Третий уровень глубины, или оттенок рассуждений Платона можно трактовать как проблему *саморексии культурного мышления* вообще: каковы условия *мыслимости* того или иного объекта. Ведь беря нечто в качестве объекта мысли, мы должны предъявить к нашей способности мышления некоторые требования научной рациональности. Проблемой этой детально занимался Кант, еще раньше – Лейбниц в связи с законом тождества и законом достаточного основания. Гегеля также волновала проблема условий применимости категорий к объекту, проблема конкретности истины, конкретности тождества и др. Гегелевская диалектика однако, оказалась достаточно догматична и консервативна. Это видно на примере трактовки им истины. Энгельс видел в диалектике некий общекультурный метод мышления. Он говорит о том, что никакой специальной философии для науки не надо, достаточно взглянуть на связи природы диалектически, в их объективной связи и конфигурации. Интервальный подход также начинается с того, что ставит проблему условий применимости научных абстракций, а именно, надо выявлять каждый раз интервал абстракции. В этом будет основное методологическое требование к культуре мыслительной деятельности и в этом – диалектичность мышления.
4. Движение мысли к основам не есть только чисто логический акт, но есть одновременно деятельность понимания, есть постижение сущности, объективности. Субъективное и объективное сближаются, смыкаются. Здесь чувствуется идея Логоса. В интервальной диалектике большое внимание уделяется проблеме состыковки субъективного и объективного.

Весьма оригинальный вариант диалектики предложен, как известно, Лейбницем (идея монадности, множественности миров и идея перспективизма). Любопытен образ диалектики, который просматривается у Флоренского в начале нашего столетия. В своей трактовке этого понятия Флоренский ближе к Платону, чем к Гегелю.

Гегель определяет диалектику как деятельность мышления, направленную на критический анализ самих форм мышления. Впрочем, критическая философия Канта уже ставила себе задачу исследовать, в какой степени формы мышления способны вообще доставлять нам познание истины. Однако эта философия требовала, чтобы раньше, чем приступить к познанию, мы подвергли исследованию способность познания. Но ведь само это исследование уже есть познание. “В познании, следовательно, должны соединиться друг с другом деятельность форм мышления и их критика. Формы мышления должны быть рассмотрены сами по себе, они представляют собой предмет и деятельность самого этого предмета. Они сами подвергают себя исследованию, сами должны определять свои границы и скрывать свои недостатки. Тогда это будет та деятельность мышления, которую дальше мы рассмотрим особо как диалектику...” (Гегель, соч. т.1, с.85). Диалектика есть имманентный переход одного определения в другое, в котором обнаруживается, что эти определения рассудка односторонни и ограничены, то есть содержат отрицание самих себя (Там же, с.135).

Гегель: все конечные вещи имеют в себе неистинность, они имеют понятие и существование, но это существование не соответствует их понятию. Поэтому они должны погибать. Животное как единичное имеет свое понятие в своем роде, и род освобождает себя от единичности посредством смерти. Истинное можно познать различными способами (или формами). Например, мы можем познать истину посредством опыта. Великий ум делает великие наблюдения (ибо идея налична и действительна в явлениях). Можно познавать истину в рефлексии. Но наиболее совершенным способом познания является познание в чистой форме мышления. Все указанные ранее формы познания суть конечной формы. Что форма мышления есть абсолютная форма и что истина выступает в ней таковой, какова она есть в себе и для себя, - в этом состоит вообще основное положение философии. (Там же, с.58).

Мышление, порождающее лишь конечные определения и движущееся в них, называется рассудком. Конечность определений мысли может состоять, во-первых в том, что, определения мысли только субъективны и всегда имеют свою противоположность в объективном, во-вторых, состоять в том, что определения мысли, как имеющие вообще ограниченное содержание, остаются противоположными как друг другу, так и еще более - абсолютному. Если определения мысли заключают в себе прочную противоположность, т.е. если они носят конечный характер, то они не адекватны истине, и тогда истина остается чуждой мышлению. (Там же, с.63).

Мышление прежней метафизики было конечным, ибо она двигалась в таких определениях мысли, предел которых признавался ее чем-то незыблемым. Способ действия метафизики состоял в том, что она приписывала предикаты предмету, который она должна была познать. Но это – внешняя рефлексия о предмете, ибо определения (предикаты) находятся готовыми в моем представлении и приписываются предмету лишь внешним образом. Истинное познание предмета должно быть, напротив, таким, чтобы он сам определял себя из самого себя. (Там же, с.67).

“Основная ошибка научного эмпиризма состоит всегда в том, что он пользуется метафизическими категориями: материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д., и, руководствуясь такими категориями, умозаключает дальше, исходя, как из предпосылки, из форм умозаключения и при этом не знает, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется вышеуказанными категориями и их сочетаниями совершенно некритично и бессознательно”. (Там же, с. 79-80). Здесь

Гегель как бы продолжает линию рассуждений Платона и в сущности своей совершенно прав. Самокритичность, методологическая саморефлексия, исследование инструмента, которым бессознательно обычно пользуются – это дело диалектики, философской культуры вообще. Расхождение с Гегелем начинается с того пункта, когда выясняется, в чем же мы видим диалектическую природу мышления. Уже понятие истины у Гегеля вызывает возражение. Для Гегеля истина – это соответствие предмета своему понятию, некому идеальному образцу. Там, где речь идет о феноменах культуры и рукотворной реальности, то с этим в определенном смысле можно согласиться.

Гегель говорит, что абстрагирование рассудка есть не что иное, как насильственное закрепление одной определенности, усиление сознания затемнить и удалить содержащуюся в нем другую определенность. (Там же, с.155-156). Думаю, что в этом тезисе главная ошибка Гегеля. Гегель видел истину лишь в единстве противоположных определений (например, становление как единство бытия и ничто). Однако, единство следует разуметь в одновременно наличном и положенном различии (конкретное единство). Это единство, которое внутри себя противопоставляется самому же себе, благодаря различию противоположных определений. Все эти и другие подобные рассуждения Гегеля достаточно мистичны.

Диалектический ум всегда испытывал неизбежное желание найти свой особый диалектический тип рациональности, свою особую диалектическую логику. Однако попытки такого рода не имели успеха. Это касается как такого гиганта в философии, как Гегель, так и пигмеев философии XX века, искавших решение вопроса в рамках материалистической диалектики марксизма.

С самого начала диалектика странным и глубинным образом связана с логикой. Странным потому, что она всегда искала как бы свой путь и в то же время непосредственно отталкивалась от логических проблем, в особенности это касается проблемы противоречия. Иногда можно услышать утверждение, что противоречие в логике и противоречие в диалектике ничего общего между собой не имеют. Но каким бы объективным ни было противоречие, его надо как-то мыслить, как-то “выражать в логике понятий”. Следовательно, встает логическая проблема. Идея о том, что мыслить рационально – значит мыслить непротиворечиво, родилась в древнегреческой науке. Она родилась в связи с тем вызовом, который был брошен философии парадоксами кратилового релятивизма и апориями Зенона. Разговор Сократа с Феодором в “Теэтете”: “...коль скоро все движется, то любой ответ – о чем бы ни спрашивалось – будет одинаково правильным, раз он будет означать, что дело обстоит так и не так, или – чтоб уж не задерживать все это словом – что это так или не так становится” (Платон, т.2, с.279). Затем Сократ уточняет, что выражения “так” и “не так” в строгом смысле здесь не подходят. И продолжает: “Приверженцам этого учения нужно учредить другую какую-то речь, поскольку в настоящее время у них нет слов для своих положений, есть разве только выражение “вообще никак”. Вот это своей неопределенностью как раз бы им подошло” (Там же, с.279).

Интервальный подход как раз и начинается с некоторого “принципа определенности”: в интервале дело обстоит “так” или “не так”. Этот принцип, пожалуй, является важнейшим онтологическим допущением интервальной парадигмы, все остальное можно вывести из него.

Создатель логики Аристотель продолжает аргументацию Платона против философии “текучести” (Гераклит и Кратил) и философии “неподвижности” (Парменид, Зенон). Аристотель пишет: “Если же все одинаково говорят и неправду и правду, то тому, кто так считает, нельзя будет что-нибудь произнести и сказать, ибо он вместе говорит и да и нет” (Аристотель, соч., т.1, с.133).

Спустя много веков антиномии Канта снова оживили интерес к проблеме “логика и диалектика”. Комментируя кантовский анализ антиномий, Гегель пишет: при попытке разума познать безусловное мира, он впадает в антиномии, т.е. в утверждение двух противоположных суждений об одном и том же предмете, и впадает в эти антиномии именно так, что каждое из этих суждений он должен утверждать с одинаковой необходимостью. Отсюда вытекает, что содержание мира, определения которого, как оказывается, страдают таким противоречием, не может существовать в себе, а есть лишь явление. Разрешение противоречия, по Канту, состоит в том, что оно принадлежит не предмету самому по себе, а лишь познающему разуму. (Гегель, т.1, с.96). Гегель, однако, не согласен с кантовским объяснением сути дела. Гегель рассматривает как важнейший и значительнейший успех философии нового времени ту мысль, что само содержание, а именно категории сами по себе приводят к противоречию. Другими словами, противоречие, которое разумные определения рассудка полагают в разумном, *существенно и необходимо*. Но при этом нельзя согласиться с тем, говорит Гегель, что не сущность мира, а сущность мышления – разум – противоречива внутри себя.

Далее Гегель развивает свой взгляд на антиномии. Он пишет: “...антиномии встречаются не только в четырех особых, заимствованных из космологии, предметах, а во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях. Знание этого и познание предметов в этом их свойстве составляет существенную сторону их философского рассмотрения” (Там же, с.97). “Истинное же и положительное значение антиномий заключается вообще в том, что все действительное содержит внутри себя противоположные определения и что, следовательно, познание и, точнее, постижение предмета в понятиях означает именно лишь осознание его как конкретного единства противоположных определений” (Там же, с.97).

Гегель прав, и в этом он делает шаг вперед по сравнению с Кантом, когда он усматривает объективную “основу” противоречий типа антиномий. Современная физика и в особенности квантовая механика демонстрирует нам пример двух высказываний, выражающих, как говорил Бор, глубокие истины о мире, причем одно исключает другое. Бор использовал в этих случаях понятие дополненности. Парадоксы

теории множеств могут служить другим примером противоречий, которые не являются обычной логической ошибкой. Можно сказать, что пафос Гегеля, выступившего против догматизма мышления старых метафизиков, вполне оправдан. Но попытка создать некую новую логику потерпела неудачу. Менять надо не логику, а условия ее применения к действительности. Ведь и математика при ее приложении к миру оказывается не абсолютной, а относительной. И дважды два не всегда есть четыре применительно к жизни.

Здесь мы вообще сталкиваемся с фундаментальной философской и методологической проблемой *логики и реальности*. Например, парадокс Пуанкаре. Два пути разработки теории относительности – Эйнштейна и Пуанкаре. Первый предлагает изменить наше понятие абсолютного пространства и ввести идею искривленного пространства. Другой настаивает на том, чтобы оставить неизменными наши инструменты познания (понятия) и усложнить физический мир (учесть влияние гравитационного поля на луч света).

Проблему учета “условий применимости” наших знаний впервые в разумной форме выдвигает Бор. В квантовой механике – это идея “относительности к средствам наблюдения”. Бор пишет: “...я делаю особый упор на предпосылки для однозначного применения понятий, используемых при описании опытных фактов. Самая суть аргументации состоит в том, что для объективного описания и гармоничного охвата опытных фактов необходимо почти во всех областях знания обращать внимание на обстоятельства, при которых эти данные получены” (Н.Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с.13). Диалектика дополненности дает, кажется, ответ на вопрос, как надо, не порывая с логикой и рациональностью, диалектически отражать реальность.

Теорема Гегеля о неполноте имеет такое же историческое значение для понимания природы теоретического мышления в связи с диалектикой, как и в свое время антиномии Канта. Но в XX в. превалирующим (особенно в 30-е годы) был дух позитивизма, поэтому диалектический аспект этого открытия не был полностью осмыслен.

В своей атаке на логику Гегель покусается на самую суть рациональности – на принцип определенности и закон противоречия. Продуктивная реформа логики предполагает изменение в другом этаже, а именно на уровне методологии. Именно такую задачу ставит перед собой интервальный подход. Он выдвигает идею однозначности семантики понятий, однозначности утверждений о мире (ведущая к четкому разделению истины и лжи). Эта однозначность возможна в силу онтологического допущения определенности как фундаментального свойства в мире вещей и в мире структур. Другими словами, мы утверждаем, что возможен однозначный смысл понятий и суждений не только “для нас”, но и “в себе” (объективно). Тезис этот не нов, если брать его в самом широком смысле. Он восходит, по-видимому, к Платону. Новое в интервальном подходе заключается в тезисе о том, что однозначность понятий и суждений возможна только в рамках интервала понятия или интервала суждения. Это свидетельствует о том, что тезис об однозначности семантической (как понятия, так и суждения) дополняется тезисом об однозначности применимости. От семантики мы переходим к истине (от осмысленности к истинности). Раньше считалось, что если понятие осмысленно (несет в себе к тому же объективное содержание), то оно и автоматически применимо (ибо оно считалось универсально применимым). Вопрос об его применимости вообще не вставал. Аналогично и с суждениями.

Было принято считать, что если суждение осмысленно, имеет однозначный и точный смысл и если оно применимо к реальности, к своему предмету, то вопрос об однозначности применимости (однозначной истинности) не возникает. Для *истин факта* он не возникает потому, что такие истины должны заключать в себе фактические условия их применимости (“Дождь шел в таком-то месте и в таком-то интервале времени”), а *истины необходимости* не имеют ограничений, так что вопрос об условиях их справедливости не имеет смысла по определению.

Как задается содержание понятий? Мы можем задать его конвенциально по определению. Можно операционально. Новый смысл строится обычно из старых путём комбинаций и т.п., как это обычно делается в математике, исходя из первичных понятий, смысл которых, задаётся, скажем, примером (понятие множества), все остальные как бы выводятся из первичного смысла. Возможно также обобщение с изменяющейся первичной семантикой. Неопозитивисты придавали большое значение точному определению смысла понятий и суждений (принцип верифицируемости). Как придать точный смысл нашим понятиям и суждениям – это проблема остаётся фундаментальной и на сегодня.

Но теперь стало ясно, что мало иметь осмысленное однозначное понятие и суждение. Требование указывать интервал является и логическим, и онтологическим. Здесь – то и вводится ещё одно онтологическое допущение: не только существование определенности, но и указание на то, что эта определенность всегда ограничена интервалом. (Платон решал проблему определенности за счет гипотезы абсолютных сущностей, которые образуют верхний ярус бытия и всегда как бы обладают статусом абсолютной определенности.) И третье. Возникает необходимость подгонки семантики к реальности, т.е. фокусировка.

Всё сказанное позволяет высветить проблему рациональности вообще. Какие моменты составляют как бы суть всякой рациональности? 1. Принцип определенности бытия и семантики (понятия, суждения, теории) 2. Принцип непротиворечивости (на уровне суждений): если одна определенность – истина, то другая определенность должна быть ложью. 3. Однозначная применимость. 4. Выводимость, доказательность, дедуктивность во всех формах, а так же, видимо и трансдукция, как возможность перевода смыслового поля используемых понятий из одного интервала в другой.

У Гегеля отсутствует идея однозначности смысла (что такое бытие, небытие, игра смыслами, “перелив смыслов”, во-вторых, тезис о том, что такие понятия неистинны сами по себе (рассудочные абстракции,

истинность которых возникает только в их единстве, например, в становлении как истине чистого бытия и чистого ничто), в-третьих, отсутствует идея однозначной (и вообще всякой) применимости понятий к реальности. Ведь содержание понятий как бы изначально объективно (тождество бытия и мышления). Гегель, таким образом, даёт свою версию рациональности, которая, однако, разрушает на самом деле действительную рациональность.

Эпистемологический эффект интервальности.

Спор о том, что такое интервал абстракции, каков онтологический, эпистемологический и логический смысл этого понятия, поднимает много вопросов. Например, здесь возникает “внешний вопрос” и “внутренний вопрос”. Первый связан с проблемой объективности: обусловлен ли в конечном счете “интервал” структурой реальности или речь идет лишь о неких производимых субъектом демаркациях в интересах своего удобства, т.е. произвольно? Если интервал абстракции не имеет никакой внешней объективной заданности, то в сущности вся интервальная концепция как оригинальное философское течение сводится на нет. Поэтому-то я в своих прежних работах при определении интервала абстракции всегда начинал с анализа “внешнего вопроса”, говоря, что под интервалом следует иметь в виду объективные границы, определяющие рамки однозначной применимости той или иной абстракции.

Но такой подход не исключал, а напротив, предполагал обращение и к “внутреннему вопросу”. В связи с этим нами было введено понятие “запаса эмпирической прочности теории” и понятие “гносеологической точности”. В контексте этого разговора мы вынуждены рассмотреть целый ряд важных познавательных фактов из истории науки и обсудить возникающие здесь вопросы логического и методологического характера. В первую очередь речь идет об одном эпистемологическом феномене, связанном с формированием “законченных теорий”. Всякая полная и законченная “в себе” теория (например, классическая механика или евклидова геометрия) обладает рядом интересных гносеологических свойств. Она в явной (а чаще всего – в неявной форме) уже содержит в себе интервал своей применимости. И имплицитно предполагает ту сферу эмпирической реальности, на описание которой она рассчитана. На каком-то этапе развития научного познания границы этой сферы даже удаётся более или менее точно установить. Так, с появлением теории относительности (СТО) появилась возможность определить физические параметры применимости механики Ньютона. Однако, понятно, что область применимости этой последней была неявно задана с самого начала создания классической механики. Выходит, что мы можем разумно говорить об интервале абстракции и в пределах “внутреннего вопроса”, не апеллируя к внешней реальности как к таковой. Могут сказать, какой толк рассуждать об интервале абстракции, если в реальной практике познания границы применимости понятий и теории устанавливаются лишь пост фактум, когда эта проблема уже не имеет ни эвристической, ни практической ценности. На самом деле это не совсем так. Во-первых, сегодня возросли требования к научным теориям с точки зрения указания их интервала заранее. Факт, который детально, но в контексте своей концепции, рассматривает К. Поппер в своей методологии фальсификационизма. Теория может не знать интервал своей применимости, но она обязана с самого начала указать, что означает, что она вышла за пределы своей компетенции, т.е. в теории должны быть сформулированы критерии фальсифицируемости. Но тем самым косвенно теория определяет и свой интервал адекватности, ибо четко указывает, что означает, что мы находимся внутри ее области и что означает, что мы вышли за пределы ее компетенции.

Во всем этом принципиально важным является тот фундаментальный эпистемологический факт, что любая научная теория всегда в отношении сферы своей применимости далеко выходит за пределы той области, на базе которой она появилась первоначально как обобщение эмпирических данных. Это и есть эффект интервальности. Всякая научная теория описывает интервально структурированную реальность. Это значит, что она имеет дело с некоторой целостностью, локальностью, обладающей внутри себя непрерывностью, замкнутостью. В результате теория обладает потенциалом обобщения - от того уровня, на базе которого она возникла и до тех пределов, до которых допустима ее экстраполяция. Это потенциал можно даже вывести эмпирически, сравнив первоначальную сферу действия данной дисциплины с той сферой, которую мы выявили в конечном итоге развития данной науки.

Этот вопрос глубоко волновал Е. Вигнера. Теория обладает силой предсказания не только в области тех фактов, которая послужила предпосылкой первоначального обобщения, но и далеко за ее пределами. В этом случае мы извлекаем из теории и ее уравнений нечто такое, что в нее не закладывали. “Законы природы” обладают “почти фантастической точностью, но строго ограниченной сферой применимости. Я предлагаю назвать закономерность, подмеченную на этих примерах, эмпирическим законом эпистемологии. Вместе с принципами инвариантности физических теорий эмпирический закон эпистемологии служит прочным основанием этих теорий” (Вигнер Е. Этюды о симметрии. – М 1971, с. 193).

Вопрос об *установлении* границ применимости абстракций и теории - это специальный вопрос. В каждом конкретном случае он должен решаться специальным образом - экспериментально, логически и даже с помощью консенсуса. Его нельзя решить априори, но важно, что определяя наши понятия, формулируя наши теории, применяя к ним математический язык, мы задаем некие идеальные образцы (например, геометрические фигуры), которые в своей совокупности находятся в очень любопытном отношении к реальности: они оказываются ее моделями. Совпадение между моделью и реальностью следует понимать так же, как мы говорим о переменных величинах. В зависимости от конкретных условий пространство встречи конструкта и реальности является величиной переменной, оно может быть большим или меньшим, но при этом принципиально важно вот что: природа реальности такова и природа наших моделей такова,

что они могут всё ближе и ближе подходить друг к другу, почти сливаясь в бесконечности, так что можно говорить об “абсолютной истине” внутри пространства встречи. Из чего проистекает такая фантастическая возможность – вот это-то и объясняет интервальный подход. Происходит наложение двух сфер – эмпирической и модельной. Чем большую точность мы требуем с точки зрения критериев соответствия, тем уже сфера встречи. Интервал становится как бы величиной переменной, но это не совсем так. Дело в том, что соотношение модели и реальности подчиняется некой постоянной инвариантной величине. Это – во-первых, а во-вторых, критерий точности совпадения, который нас удовлетворяет, диктуется практикой. Таким образом, мы можем заключить, что интервальная диалектика позволяет объяснить некоторые важные методологические проблемы современной науки с большей четкостью и продуктивностью, чем это было возможно в рамках традиционных диалектических учений.